

Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka. 2013-2024

ISSN 1605--7880

URL - <http://izv-oifn.ru>

All right reserved

Issue 6 Volume 82. 2023

[Review:] Folklore of the Teleuts. Collected, edited and translated with an introduction and commentaries by Dmitriy A. Funk. General edition by Anna V. Dybo. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2020. 428 pp. [In Russ.]

Evgeny Duvakin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences

Saint-Petersburg, 3 University Emb.

Abstract

Russ.]

Keywords list (en): Siberia, Teleuts, folklore, endangered languages, Turkic studies

Date of publication: 29.01.2024

Citation link:

Duvakin E. [Review:] Folklore of the Teleuts. Collected, edited and translated with an introduction and commentaries by Dmitriy A. Funk. General edition by Anna V. Dybo. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2020. 428 pp. [In Russ.] // *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka.* – 2023. – V. 82. – Issue 6 C. 117-122 . URL: <https://izv-oifn.ru/s160578800027937-6-1/>. DOI: 10.31857/S160578800027937-6

¹ Южная Сибирь является кладезем тюрко-монгольского фольклора. Разные её традиции исследованы при этом довольно неравномерно: объём опубликованных данных, например, по бурятам, хакасам и тувинцам в разы превышает таковой по тофаларам, кумандинцам и телеутам. Именно фольклору

последних, т.е. одной из наименее изученных и описанных традиций региона, посвящена недавняя книга Д.А. Функа – известного этнографа-сибироведа и выдающегося специалиста по культуре саяно-алтайских тюрков¹.

² Телеуты проживают в настоящее время в основном по берегам рек Малый и Большой Бачат на территории Кемеровской области. Небольшие их группы сохраняются также в Степном и Горном Алтае. Телеутский язык находится на грани исчезновения (общее число говорящих на нём не превышает 900 человек) и входит в число южноалтайских идиомов горноалтайской подгруппы тюркской семьи. По своему расселению телеуты являются самыми северными из носителей южноалтайских языков и в том числе поэтому демонстрируют порой бóльшее культурное и антропологическое сходство с шорцами и хакасами, нежели с алтай-кижи и теленгитами.

³ Рецензируемая книга является исправленным и значительно дополненным вариантом одноимённого сборника, вышедшего в 2004 г. [5]. Объём материалов вырос почти в два раза. Определяя стоявшие перед ним задачи, автор пишет: «Предлагаемая вниманию читателей книга – не антология телеутского фольклора, не сборник лучших образцов и, конечно же, не издание поэтических переводов. Задумывая её, я главным образом хотел значительно увеличить объём опубликованных оригинальных текстов (включая по возможности разновременные варианты записей), которые максимально полно отражали бы обилие разновидностей телеутского фольклорного материала» (с. 27–28). Такой акцент на расширении источниковой базы можно только приветствовать.

⁴ Помимо описания задач, в вводном разделе есть краткий, но ёмкий историографический очерк (с. 8–25). Он посвящён истории изучения и публикации телеутского фольклора – от подборки, подготовленной краеведом П.А. Словцовым и вышедшей в 1844 г., до сборников, которые были напечатаны в 2010-х гг. и содержат «алтайские» тексты разного происхождения. Критическому анализу подвергнуты не только относительно известные издания, но также труднодоступные, малотиражные и незнакомые порой даже узким специалистам материалы. Особое внимание уделено работам, в которых записи представлены на языке оригинала².

⁵ Во введении, кроме того, описаны разновидности текстов, зафиксированных в телеутской фольклорной традиции (с. 25–27). На основании архивных, опубликованных и собственных полевых материалов Д.А. Функ составил перечень из более чем 20 народных терминов, обозначающих устные жанры и поджанры (*куучын* – мифологические рассказы, *уқаа сӧс* – легенды; *чӧрчӧк* – сказки, эпос; *сарын* – песни; *алқыш* – заговоры, благопожелания, шаманские тексты; и т.д.). Обладая огромным экспедиционным опытом, он констатирует, что сейчас «у телеутов совсем не осталось сказителей, помнящих богатырские эпические сказания, почти невозможно записать мифологические рассказы, легенды и предания, полные шаманские тексты (в связи с отсутствием шаманов). Редки люди, знающие лироэпику и даже обычные сказки. Наиболее “живучи” оказались песни» (с. 27). В данных условиях работа по выявлению и публикации материалов, собранных у телеутов на протяжении XX в. и хранящихся в разного рода архивах, представляется особенно насущной.

6 Тексты, включённые в сборник, относятся к широкому спектру жанров и распределены по 8 разделам: «Қай чӧрчӧктӧр. Героический эпос», «Чӧрчӧктӧр. Сказки», «Кеп сӧс, уқаа сӧс, ӱлгер сӧс. Легенды, предания, нравоучения», «Сарыннар. Песни», «Алқыштар. Ритуальные тексты», «Қарғыштар. Проклятия», «Табышқақ/табысқақ/тапқыр сӧс. Загадки» и «ӱлгер сӧстӧр. Поговорки и пословицы». Большинство этих записей сделано Д.А. Функом в ходе его экспедиций к бачатским телеутам в 1980–2010-е гг. или выявлено им же в архиве Кунсткамеры. Во втором случае речь идёт о материалах первой половины XX в., собранных Г.М. Токмашевым, А.В. Анохиным, К.А. Вертковым и Н.П. Дыренковой.

7 Почти все тексты приведены как на русском, так и на телеутском языке. Некоторые из оригиналов уже были опубликованы в сборнике В.В. Радлова 1866 г. и горно-алтайских изданиях 1990-х гг., но, в отличие от рецензируемой книги, без переводов. Записи из этих источников и из архивных рукописей приведены к нормам современной телеутской орфографии с сохранением исходных грамматических форм, исправлением опечаток и иных погрешностей. Спорные случаи, касающиеся прочтения отдельных слов из материалов Н.П. Дыренковой, выверены по другим её полевым данным. Отдельного внимания заслуживает то, что к нескольким десяткам текстов на телеутском языке, собранным Д.А. Функом в 1988–1992 гг., приложены QR-коды. Благодаря им, у читателя есть возможность услышать оригинальные аудиозаписи, загруженные на сайт ИЭА РАН.

8 Каждый текст или группа близких по содержанию текстов сопровождается вводными замечаниями, имеющими в основном источниковедческий и историографический характер (данные об информантах, собирателях, обстоятельствах записи, предшествующих публикациях, если таковые были, и т.д.). В постраничных примечаниях даются краткие филологические и историко-этнографические комментарии, а также объясняются отдельные переводческие решения.

9 Что касается редакционно-издательских аспектов, то книга хорошо вычитана, красиво оформлена и содержит более 30 иллюстраций, главным образом экспедиционные фотографии из личного архива автора, а также из фондов Кунсткамеры и Алтайского государственного краеведческого музея. К мелким и очень редким недочётам относится то, что в оглавлении оказались пропущенными два последних раздела: «Табышқақ/табысқақ/тапқыр сӧс. Загадки» (с. 377–398) и «ӱлгер сӧстӧр. Поговорки и пословицы» (с. 399–417).

10 Выходя за рамки изучения собственно телеутского фольклора, стоит отметить, что публикация традиционных повествовательных текстов, блестящим примером которой является книга Д.А. Функа, закладывает фундамент для широких сравнительно-исторических изысканий. Исследования последних десятилетий наглядно свидетельствуют, что данные об ареальном распределении мотивов – отдельный источник информации о культурных контактах и миграциях, происходивших в разное время в разных регионах³. Поскольку рецензируемая книга лишена комментариев, которые рассматривали бы телеутские материалы в такой перспективе, а опубликованные в ней тексты представляют несомненный интерес для компаративистов, позволю себе упомянуть несколько

соответствующих случаев. Число их при необходимости можно расширить многократно.

¹¹ 1. Сказка из семейного архива Г.М. Токмашева, которая является, как отмечает Д.А. Функ, «одной из самых ранних фиксаций телеутского фольклора на языке оригинала в XX в.», повествует о злых и богатых братьях Кер-Сагалах (с. 173–181). К ним домой приходит старик, намеревающийся попросить пяльцы для просушки заячьей шкуры. Зайдя внутрь, он случайно подслушивает их разговор. Кер-Сагалы начинают его бить и приговаривать: «Мы друг другу сказки рассказывали, ты же, негодяй, *нашей сказке на хвост наступил*» (здесь и далее курсив мой. – Е. Д.). Затем предлагают: «У тебя старик, говорят, есть дома вещь, о которой ты не знаешь и которую не видел. Отдай нам то – не знаю что, а мы тебе пяльцы дадим. Если же не отдашь, чего просим, – снова тебя бить станем!». Старик соглашается, а вернувшись домой, видит, что жена родила сына. Через некоторое время младший Кер-Сагал приходит к их дому. Старик со старухой убегают в лес, оставив мальчика. Тот говорит Кер-Сагалу, что отец ушёл ковать топор из рога лягушки. Гость спрашивает, неужели у них есть рогатая лягушка. Мальчик отвечает: «Если у нашей лягушки рогов нет, то *откуда же у вашей сказки хвост взялся?*». Кер-Сагал убегает и рассказывает о случившемся братьям. Те по очереди идут в дом старика, где между ними и мальчиком происходят похожие диалоги.

¹² Данный текст содержит не только широко распространенный в Западной и Северной Евразии сюжет «Отдай то, что дома не знаешь!» [10, мотив L94B], но и крайне редкий на мировом фоне мотив «Сказка с хвостом»: отрицательный персонаж обвиняет человека в том, что тот оторвал или наступил на хвост сказке [10, мотив L94D]⁴. Соответствующие эпизоды встречаются также в телеутских записях, сделанных в 1940 г. (с. 182–187; [6, с. 354–359, 427]), и материалах, собранных у хакасов Таштыпского района [11, с. 512–515, 670–671]. За пределами Южной Сибири мотив «Сказка с хвостом» зафиксирован у киргизов. В тексте, записанном у них не позднее 1940 г., говорится о человеке по имени Сарбан, который идет к Жёлтому плешивцу (Сары таз), чтобы вернуть свой скот. Оказавшись в доме и не дождавшись, когда хозяин закончит исполнять сказку, Сарбан объявляет о цели визита. Жёлтый плешивец вскакивает на его шею и говорит: «*Оборвал ты хвост моей сказке*». Чтобы спастись, Сарбан обещает отдать свою дочь. Плешивец приходит за ней через три дня. Когда он намеревается сесть на коврик, она говорит: «*Куда садишься, ломаешь мыши рога!*». Плешивец спрашивает, разве бывают у мыши рога. Девушка, подобно мальчику из телеутской записи, отвечает вопросом: «*Разве у сказок бывают хвосты?*» (пер. Р. Доуталиева) [12, с. 90–91, 141].

¹³ Дистрибуция указанного мотива представляет интерес для изучения истории культурных взаимодействий, которые происходили между тюрками Южной Сибири и Центральной Азии. Как киргизский, так и телеутский относятся к кыпчакской кладе тюркских языков, однако первый входит в состав южно-кыпчакской подгруппы, а второй является представителем горноалтайской подгруппы, т.е. специфической близости между киргизским и телеутским на этом уровне нет [13]. В то же время существуют данные, свидетельствующие о том, что в этногенезе киргизов приняли участие тюркоязычные группы, которые

мигрировали из алтайского региона на Тянь-Шань ок. 1703 г. и – в результате падения Джунгарского ханства – ок. 1757 г. [13, с. 33]. Эти процессы могли повлиять и на формирование хакасско-телеутско-киргизской параллели в виде мотива «Сказка с хвостом», самая ранняя фиксация которого имеется в тексте из рецензируемой книги⁵.

¹⁴ 2. Эпос о «ездящем на светло-соловом коне Алтын-Эргеке», записанный в 1976 г. на телеутском языке в улусе Кытманово в Степном Алтае (с. 72–129), завершается довольно нетривиальным образом: «Они, словно печень, утонули, / Я, словно лёгкое, всплыв, вылез. / Сказанье мое закончилось, / Тобою записанным оно пусть будет» (с. 129). Сказитель здесь использовал формулу, которая обнаруживает яркие параллели за пределами Сибири, а именно среди сказочных концовок мангышлакских и других туркменов: «Те, о которых мы рассказывали, да погрузятся в забвении, как погружается в воде печень; мы же, как лёгкое, да плаваем наверху» [14, с. 13]; «Печёнка была – на дно пошла, лёгкие были – они переплыли, а те, что влюбились, – своего добились» [15, с. 159]; «Она, печёнка, потонула, а мы, лёгкие, остались» [15, с. 341]. Историческая связь между телеутским и туркменскими случаями не вызывает сомнений, однако о конкретных путях распространения этой формулы говорить пока трудно.

¹⁵ 3. В шаманском призывании из архивных записей А.В. Анохина есть следующий фрагмент: «Вершины семи лиственниц / Скрутив, устроила гнездо / Мать птиц – Пуркай-хан» (с. 355). Аналогичные эпизоды встречаются и в других ритуальных текстах, а также в эпических сказаниях: «Шаман направляется к матери птиц, которая сидит в гнезде, свитом на вершинах семи лиственниц» (с. 358), «Стянув вершины семи жёлтых сосен и семи чёрных лиственниц, устроили они (крылатые персонажи Кан-Кереде. – *Е. Д.*) себе гнездо и сидели в нём» (с. 43), «Вершины семи лиственниц, / Скрутив, стянул [и] сделал [себе] гнездо, / Мать птиц Кыйлу-хан, / Вал протянувший Ачы-хан» [16, с. 136].

¹⁶ Как и «Сказка с хвостом», упоминание орнитоморфного персонажа, который сидит сразу на нескольких деревьях, относится к числу редких на евразийском и общемировом фоне мотивов. За пределами телеутского фольклора он зафиксирован в древнерусской литературе, у русских северных губерний и Тавдинского края, белорусов, чувашей и грузин [10, мотив N32]. Так, например, в «Сказании об Индийском царстве» царь Иоанн заявляет: «Есть у меня птица ногой, вьет себѣ гнѣздо на 15 дубовъ» (по списку второй половины XV в. из Кирилло-Белозёрского собрания РНБ) [17, с. 396]. В былине из Пудожского края говорится о том, что «Соловей птица рахматая» сидит на «семи дубах да на кленовыхих» [18, с. 409]. Наличие данного мотива в телеутской шаманской мифологии является, вероятно, результатом русского влияния, которое имело место на протяжении XVII–XIX вв., и в очередной раз свидетельствует, что элементы фольклора способны легко пересекать языковые, культурные и жанровые границы.

¹⁷ 4. В эпическом тексте, зафиксированном в Кузнецком уезде Томской губернии в начале XX в., фигурирует огромный змей, который «верхними губами упёрся в небо, нижними в землю» (с. 44). В другой телеутской записи, которая была обнаружена Д.А. Функом в архиве Кунсткамеры и датируется 1924 г.,

подобная характеристика использована применительно к волку: «нижняя губа в землю уходит, а верхняя в небо, изо рта искры летят» (с. 130). Ещё один пример такого рода есть в сказании, записанном автором в 1988 г.: «Хвост-то у волка, говорит, на 60 саженей, а пасть такая, что нижняя губа на земле лежит, а верхняя небо подпирает» (с. 134).

¹⁸ Здесь мы имеем дело с мотивом, который можно условно назвать «Пасть до неба»: верхняя губа или челюсть существа достигает неба, в том время как нижняя – касается земли. Он обладает широким, но далеко не повсеместным распространением в Евразии, а за её пределами, по-видимому, не встречается⁶. Соответствующие тексты зафиксированы в Северной, Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе, на Северном и Южном Кавказе, в Анатолии, Иране, Центральной и Южной Азии, Южной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и Хоккайдо [10, мотив L90].

¹⁹ Версии, в которых, как и у телеутов, упоминаются именно губы, встречаются в фольклоре нивхов, юкагиров, халха, тувинцев, алтай-кижи, казахов, бхуйя, белуджей, персов, туркмен, азербайджанцев, армян, турок, чувашей, мордвы, украинцев, гагаузов, греков, словаков и эстонцев. Данная дистрибуция может быть во многом обусловлена миграциями, которые происходили вдоль степного пояса после рубежа эр, однако распространение мотива «Пасть до неба» как такового началось в Западной Евразии гораздо раньше. Об этом свидетельствует его присутствие в угаритских клинописных текстах, которые датируются XIV–XII вв. до н.э. В эпосе о громовержце Ба'лу бог смерти Моту открывает свой рот так, что одна его губа достигает земли, вторая – неба, а языком он лижет звезды [20, с. 266]. В рассказе о рождении «добрых богов» находим аналогичное описание: одна губа касается земли, а другая – неба; в их рты попадают небесные птицы и морские рыбы [20, с. 274, 282].

²⁰ Другие ранние примеры содержатся в древнеиндийской и древнескандинавской литературе. Согласно «Махабхарате», пасть асура по имени Мада была «огромна и страшна, острые зубы (оскалены), одна челюсть упиралась в землю, другая же вздымалась в небо» [21, с. 261]. В «Младшей Эдде», как и в двух случаях из рассматриваемого сборника, речь идёт о гигантском волке: «Фенрир Волк наступает с разверстою пастью: верхняя челюсть до неба, нижняя – до земли. Было бы место, он и шире бы разоул пасть» [22, с. 52].

²¹ В целом, имеющийся набор фиксаций – от угаритских текстов до телеутского сказания, записанного Д.А. Функом, и иных относительно недавних случаев – наглядно демонстрирует тот факт, что мифологические мотивы обладают колоссальной жизнестойкостью и могут реплицироваться неопределённо долго. Именно поэтому массовые данные об их распространении являются самостоятельным источником сведений о человеческом прошлом, а каждый сборник с текстами традиционного фольклора потенциально таит в себе ценную историческую информацию.

²² Суммируя, надо сказать, что значение рецензируемой книги является разноплановым и не ограничивается рамками сибиреведения. Во-первых, она предоставляет доступ к значительному объёму языковых данных и вносит тем

самым весомый вклад в документацию, популяризацию и сохранение телеутского языка. Во-вторых, книга включает в себя целый ряд разновременных и разножанровых записей, которые впервые вводятся в научный оборот, и имеет поэтому непреходящую ценность для изучения телеутской традиционной культуры как таковой. В-третьих, в сборнике содержатся новые материалы для сравнительно-исторических исследований в области фольклора, а это позволяет уточнить границы ареального распространения соответствующих мотивов.

Remarks:

1. Из других его работ в этой области, изданных в последние годы, см. [1]; [2]; [3]; [4].
 2. К перечню публикаций можно, видимо, добавить два текста на телеутском «диалекте» и такой же песенный фрагмент из сказки о Паклан-Тасе, снабжённый аудиозаписью и нотной расшифровкой, из сборника «Алтайские народные сказки» 2002 г. [6, с. 56–57, 118–125, 354–359, 403, 427, 450].
 3. Из свежих работ на этот счёт см. [7]; [8]; [9].
 4. Здесь и далее сведения о параллелях к телеутским записям, опубликованным в книге Д.А. Функа, будут приводиться с опорой на нашу базу данных по фольклору и мифологии народов мира [10]. Сейчас в ней содержатся резюме около 80 тысяч текстов с соответствующими ссылками и отражена дистрибуция более 3100 мотивов по 1017 традициям Старого и Нового Света.
 5. Существенно, что есть и другие элементы фольклора, демонстрирующие специфические связи между южноалтайскими и киргизской традициями (см., напр., мотив F100A «Целомудренная оживляет мужчину» [10]).
 6. Единственное известное мне исключение связано не с фольклорно-мифологическими текстами, а с публицистической статьёй, опубликованной в арабоязычной каирской газете «Аль-Лива» в 1908 г. [19, с. 134].
-

References:

1. Funk, D. The Materials of Andreï Anokhin on the Evil Spirits in Teleut Shamanic Beliefs. Shaman, 2021, Vol. 29, No. 1-2, pp. 65–92.
2. Antologiiia shorskogo eposa [An Anthology of the Shor Epic]. Ed. and transl. by D.A. Funk. Moscow, 2022. (In Russ.)
3. Funk, D.A., Tokmashev, D.M. Teleutskii fol'klor. Lirika [Folklore of the Teleuts: Lyric Poetry]. Moscow, 2022. (In Russ.)
4. Funk, D.A., Tokmashev, D.M. Teleutskii fol'klor. Epos [Folklore of the Teleuts: Epic Poetry]. Moscow, 2022. (In Russ.)
5. Teleutskii fol'klor [Folklore of the Teleuts]. Ed. and transl. by D.A. Funk. Moscow, 2004. (In Russ.)
6. Altaiskie narodnye skazki [Altai Folktales]. Ed. and transl. by T.M. Sadalova. Novosibirsk, 2002. (In Russ.)
7. Berezkin, Yu. Nekotorye rannye motivy v fol'klоре Evropy [Some Early Motifs in European Folklore]. Antropologicheskij forum [Forum for Anthropology and Culture], 2022, No. 53, pp. 15–39. (In Russ.)

8. Berezkin, Yu. The Cultural Continuum of the Eurasian Boreal Zone and the Eastern Siberian Wedge (Based on Comparative Mythology and Paleogenetics). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2022, Vol. 50, No. 2, pp. 28–40.
9. Berezkin, Yu., Duvakin, E. Volga-Ural and West Siberian Components in the Folklore of the Sámi and the Baltic Finns. *Folklore*, 2022, Vol. 133, No. 1, pp. 47–72.
10. Berezkin, Yu.E., Duvakin, E.N. Tematicheskaia klassifikatsiia i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog [The Electronic Analytical Catalogue of Folklore-Mythological Motifs: Thematic Classification and Areal Distribution]. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (access date: September 30, 2023). (In Russ.)
11. Khakasskie narodnye skazki [Khakass Folktales]. Ed. by E.S. Torokova & G.B. Sychenko. Novosibirsk, 2014. (In Russ.)
12. Baldarğa arnalğan eldik oozeki çyğarmalardyn ülgülörünön [Folklore Samples for Children]. Ed. by P. Irisov. Frunze, 1972. (In Kyrgyz)
13. Egorov, I.M., Dybo, A.V., Kassian, A.S. Phylogeny of the Turkic Languages Inferred from Basic Vocabulary: Limitations of the Lexicostatistical Methods in an Intensive Contact Situation. *Journal of Language Evolution*, 2022, Vol. 7, No. 1, pp. 16–39.
14. Komarov, A. Skazki mangyshlaxskikh turkmen [Tales of the Mangyshlak Turkmens]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collected Reports on the Caucasian Highlanders], 1875, Vol. 8, pp. 1–54. (In Russ.)
15. Prodannyi son. Turkmenskie narodnye skazki [A Sold Dream. Turkmen Folktales]. Ed. and transl. by I. Stebleva. Moscow, 1969. (In Russ.)
16. Funk, D.A. Miry shamanov i skazitelei [Worlds of Shamans and Storytellers]. Moscow, 2005. (In Russ.)
17. Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Literature of Ancient Rus': An Anthology]. Vol. 5. Ed. by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. St Peterburg, 1997. (In Russ.)
18. Byliny Pudozhskogo kraia [Epics of the Pudozh Region]. Ed. by G.N. Parilova & A.D. Soimonov. Petrozavodsk, 1941. (In Russ.)
19. Sladen, D. Egypt and the English, Showing British Public Opinion in Egypt upon the Egyptian Question. London, 1908.
20. Pardee, D. Ugaritic Myths. In: *The Context of Scripture*. Vol. 1. Ed. by W.W. Hallo. Leiden; Boston, 2003, pp. 241–283.
21. Makhabkharata. Kniga tret'ia. Lesnaia [Mahabharata. Book of the Forest]. Ed. and transl. by Ya.V. Vasil'kov & S.L. Neveleva. Moscow, 1987. (In Russ.)

22. Mladshaia Edda [Prose Edda]. Ed. by O.A. Smirnitskaia & M.I. Steblin-Kamensky.
Leningrad, 1970. (In Russ.)

Телеутский фольклор / Сост., вступ. ст., запись, нормализ. текстов, пер., коммент. Д. А. Функа. Отв. ред. А. В. Дыбо. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ИЭА РАН, 2020. 428 с.

Дувакин Евгений Николаевич

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3*

Аннотация

.

Ключевые слова: Сибирь, телеуты, фольклор, исчезающие языки, тюркология

Дата публикации: 29.01.2024

Ссылка для цитирования:

Дувакин Е. Н. Телеутский фольклор / Сост., вступ. ст., запись, нормализ. текстов, пер., коммент. Д. А. Функа. Отв. ред. А. В. Дыбо. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ИЭА РАН, 2020. 428 с. // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 2023. – Т. 82. – Номер 6 С. 117-122 . URL: <https://izv-oifn.ru/s160578800027937-6-1/>. DOI: 10.31857/S160578800027937-6